

ПСИХОАНАЛИЗ ИСКУССТВА

Сдирая шкуру с оркестра. От С. Дали к Д. Анзье. Социально-психологические особенности развития ребенка при отсутствующей фигуре отца

А. Д. Лунина

Лунина Алена Дмитриевна – клинический психолог, психоаналитически ориентированный психотерапевт, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации, аспирант Московского государственного областного университета (ФГБОУ ВО МГОУ).

Кожа – эта тема неисчерпаема. Как в психоаналитической литературе, так и в мировом художественном пространстве совершаются попытки осмыслить, что такое для человека метафора кожи, оболочки. Картина Сальвадора Дали «Три молодых сюрреалистических женщины, держащих в руках шкуры оркестра» является точной, безмолвной иллюстрацией к идеям высказанным Д. Анзье о Я-коже. В данной статье картина рассматривается в двух направлениях мысли – с точки зрения «кожного» функционирования и с точки зрения установления Закона отца на примере случая пациента, страдающего псориазом.

Ключевые слова: закон отца, «цензура любовницы», Я-кожа, вторая кожа, аннигиляция, псориаз.

«Мое одиночество очень велико. Я не нуждаюсь в друзьях, но Мне надо говорить о себе, и Мне не с кем говорить. Одних мыслей недостаточно, и они не вполне ясны, отчетливы и точны, пока Я не выразю их словом: их надо выстроить в ряд, как солдат или телеграфные столбы, протянуть, как железнодорожный путь, перебросить мосты и виадуки, построить насыпи и закругления, сделать в известных местах остановки – и лишь тогда все становится ясно. Этот каторжный инженерный путь называется у них, кажется, логикой и последовательностью и обязателен для тех, кто хочет быть умным; для всех остальных он не обязателен, и они могут блуждать, как им угодно».
Л. Н. Андреев «Дневник Сатаны»

Можем ли мы открыться другому человеку, не сдирая с себя кожу и не выворачиваясь наизнанку? Даже в психотерапевтической, казалось бы, безопасной ситуации? Можем ли мы простить нашего отца, если он оказался «импотентом», «кастрированным» отцом и не смог заткнуть черную бездну пасти «крокодила» матери своим фаллосом (Лакан, 1995)?

Способны ли мы подобрать слова для того, чтобы передать весь ужас отчаяния?

Сальвадору Дали пришлось содрать шкуру с оркестра, чтобы показать миру, насколько пугающей для него была его импотенция, о которой, стоит заметить, он говорил много раз и даже превозносил ее, в отчаянии заявляя, что все великие этого мира были импотентами (Гибсон, 2004).

В его картине «Три молодых сюрреалистических женщины, держащих в руках шкуры оркестра» можно увидеть два совершенно разных пласта смыслов – смыслов психоаналитических (фото 1). Дали возносил Фрейда до небес и считал его почти равным Богу, 20-минутная встреча с отцом психоанализа, да и с отцом Дали по его же словам, стала краеугольным камнем в жизни и творчестве известного каталонца (Гибсон, 2004).

Первый слой, считываемой в этой картине, конечно же следующий из названия, – это кожа. Даже не кожа – шкура. Что можно сказать о коже/шкуре? Наш язык чудесно иллюстрирует общее культурное переживание пенетрации (внедрения): «Он залез ко мне под кожу» – общеупотребимая фраза, активно используется в повседневной речи. Дали пошел дальше, он буквально снял с себя кожу и представил ее на обозрение публики. Мы не будем заниматься анализом биографии самого художника, но лишь подчеркнем, насколько тонко он смог передать ощущение себя как недееспособного, с содранной шкурой. Рояль, от которого осталась только лишь оболочка, содранная с твердого каркаса. Вот как красиво эти представления отражаются в психоаналитических идеях Д. Анзье о Я-коже (Анзье, 2011).

Кожа – это не только граница, самый обширный орган тела, но и первичный контейнер, поле битвы внутренних конфликтов (Бик, 2011). Может быть, поэтому Дали сдирает шкуру с оркестра и вручает ее женщинам. На «мягком» рояле невозможно играть, он слишком тонкий – это тонкая кожа пограничного пациента (Бейтмен, 2011). Так, пациент К. отдает в руки женщины-терапевта свою кожу, чтобы она сама распорядилась, читала по ней, поскольку он не справляется и чувствует себя слишком хрупким. К. страдает от псориаза, обостряющегося каждый раз при разлуке на отпуск. Он не может подобрать верных слов своим переживаниям и настолько хрупкий, что вынужден всегда нападать, но в минуты отчаяния он говорит: «Я хотел бы, чтобы вы содрали с меня кожу, вывернули ее наизнанку и на обратной стороне сами прочитали, что там написано». И тогда я оказываюсь той самой женщиной с виолончелью в руках, словно убитой, иссушенной, а голова моя – это цветы. Только цветы, ибо живая человеческая голова слишком опасна, она может подумать о нем, живая человеческая голова, это то, с чем невозможно столкнуться в терапии. К. оказывается охвачен ужасом, он не может придать своим мыслям твердую форму слов, он может только лежать у меня на руках,

Фото 1. С. Дали «Три молодых сюрреалистических женщины, держащих в руках шкуры оркестра»

маленькая, вывернутая наизнанку виолончель. Только терапевтический холдинг (Винникотт, 1998; Лунина, 2019) удерживает его от того, чтобы рассыпаться на части и перестать существовать.

На время наших перерывов он изобретает для себя вторую кожу, свой деловой костюм, он в нем ходит на работу, он в нем ест, спит, занимается сексом. Всегда застегнут на все пуговицы, галстук, идеально острые стрелки брюк. Он боится снимать костюм, боится аннигиляции. В работе с К. терапевту приходится за двоих одеваться в латы, выдерживать его атаки, принимая его уязвимость. Его невыразимый ужас, угрожающий распадом, и его больная кожа, не вмещающая всю силу переживаний. «Психоз» кожи в виде бушующего псориаза. Это его «Красный смех» (Андреев, 2018), который в итоге поглотит мир, и мир будет полон убитых, поврежденных частей, осколков его чувств, которые мы пытаемся собрать во время каждой встречи. Он словно сам бесконечно ранит себя этими осколками, оставляет на коже шрамы. Пока кожа болит, он знает, что он в этом мире присутствует. Фрейд в своей знаковой работе «Я и Оно» писал о телесности Я: «Я не только и не столько поверхностно,

сколько является проекцией поверхности» (Фрейд, 2019). Видимо, для К. оказывается возможным существование его Я только через болезнь поверхности – кожи: «Боль, по-видимому, тоже играет роль, а способ, каким при болезненных заболеваниях приобретает новое знание о своих органах, может, вероятно, служить примером способа, каким человек вообще приобретает представление о собственном теле» (Фрейд, 2019, с. 4). Тело К. болит, в его представлении оно может быть только израненным.

К. не может простить своего отца за то, что тот оказался слишком слабым и не защитил его от вселяющего ужас контроля матери, бесконечного контроля всех его чувств. Он ненавидит этот расплывшийся рояль, он боится черной дыры тромбона, боится, что она полностью поглотит его. И это второй слой работы Дали – отец, неспособный быть мужчиной, пойманная за «хвост» шкура рояля. Как у Лакана, который говорил о матери как о ненасытной пасти крокодила, которую может заткнуть только фаллос отца (Лакан, 1995), у К. такого отца рядом не оказалось, теперь он вынужден бесконечно сопротивляться этой аннигиляции. Лакан указывает на то, что отношения матери с ребенком не имеют системы, мать то фрустрирует ребенка – уходя, то ласкает его, это напоминает параноидно-шизоидную стадию М. Кляйн (Кляйн, 2010), то есть мать сводит ребенка с ума, до тех самых пор, пока не появится отец, чтобы установить свой закон, чтобы ограничить полноправное владение матери ребенком (Жибо, Россохин, 2005; *Braunschweig, Fain, 1977*). Только метафора отца может дать ответ ребенку на вопрос о его существовании. В фантазии К. отец ответа не дает, отец – это только шкура на руках у женщины.

К. оказывается в ситуации, когда женщина-терапевт, держа его на руках, должна спасти его от той женщины, живущей в его бессознательном, которая сняла шкуру с его отца. У всех женщин голова в цветах – они не ведают что творят, превращают своего «ребенка дня» в «ребенка ночи». «Цензура любовницы», о которой писали Мишель Фен и Дениз Брауншвейг (*Braunschweig, Fain, 1977*), не была установлена, К. кажется, что его мать всегда была рядом, всегда присутствовала и всегда что-то говорила, чаще неприятное и жестокое, она была так близко, что становится совершенно непонятно, слились ли они в единой организм или болезнь К., его псориаз – это мучительный способ доказать самому себе, что у него есть граница (Лунина, 2019; Макдугал, 2007). Мать настолько интенсивно инвестировала своего ребенка, что К. не удалось сформировать свое внутреннее психическое пространство, в котором он мог бы переживать и фантазировать об их отношениях, ему приходится выносить все на поверхность, на внешний слой кожи и на коже писать свою историю (Макдугал, 2007). Он настолько охвачен идеей своей маскулинности, своей способности быть мужчиной, что пенетрирует буквально все. Свою психику – фантазиями о проникновении под собственную кожу, свою кожу – уколами, направленными на излечение псориаза, меня – нападениями и вторжением, К. часто приходит на сеанс на час раньше, бесконечно число женщин, с которыми он вступает в интимные отношения на одну ночь. Это и его месть матери, желание проникнуть в нее и самому

вместо отца «заткнуть» ее. Ротштейн считает, что первичная нарциссическая травма может приводить к мыслям о мести и садомазохистской атаке объекта (*Rothstein, 1977*). И К. атакует: в своих фантазиях он сажает мать на поезд, который должен сойти с рельс. Женщина с цветами вместо лица – не напоминает ли это возложенные к могиле цветы?

Дали рисовал женщин с головами-цветами, цветы – символ нежности и страсти, а во многих культурах и символ женских половых органов. Все мы дети наших матерей, единение с материнской частью мы познали еще до появления на свет, находясь в утробе (*Шассге-Смиржель, 2005; Шафер, 2007*), все мы вынуждены бороться со страхом слияния с матерью, с желанием вновь погрузиться в утробу, и только отцовская фигура может спасти нас – закон отца по Лакану (*Лакан, 1995*), «цензура любовницы» Мишеля Фена и Дениз Брауншвейг (*Braunschweig, Fain, 1977*). Если же мы не знаем отца и он не представлен в психическом пространстве матери в качестве надежного, удовлетворяющего объекта, то мы вынуждены будем рисовать на холстах женщин с головами-цветами – в случае Дали (*Гибсон, 2004*) – или, как в случае К., «рисовать» крупными мазками псориаз на своей коже, вынужденной выворачиваться наизнанку, чтобы его услышали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев Л.* Красный смех. М.: Т. 8. Модное чтение, 2018.
2. *Анзё Д.* Феномены аутизма и Я-кожа // Психология и патопсихология кожи / Сост. и науч. ред. С. Ф. Сироткин, М. Л. Мельникова. Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011. С. 264–270.
3. *Бейтман Э.* Толстокожие и тонкокожие организации и инсценирование при пограничных и нарциссических расстройствах // Психология и патопсихология кожи / Сост. и науч. ред. С. Ф. Сироткин, М. Л. Мельникова. Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011. С. 271–293.
4. *Бик Э.* Переживание кожи в ранних объектных отношениях // Психология и патопсихология кожи / Сост. и науч. ред. С. Ф. Сироткин, М. Л. Мельникова. Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011. С. 128–134.
5. *Винникотт Д. В.* Маленькие дети и их матери. М.: Класс, 1998.
6. *Гибсон Я.* Безумная жизнь Сальвадора Дали. Мастера живописи. М.: Артродник, 2004.
7. *Жибо А., Россохин А. В.* Психоанализ во Франции, или Как научиться жить с неопределенностью. СПб.: Питер, 2005. С. 13–43.
8. *Кляйн М.* Психоаналитические труды: В 7 т. Т. 6: «Зависть и благодарность» и другие работы. Ижевск: ERGO, 2010.
9. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. Доклад на Римском конгрессе, читанный в Институте психологии Римского университета 26 и 27 сентября 1953 года. М.: Гнозис, 1995.
10. *Лунина А. Д.* Скрытые суицидальные тенденции в фантазии о «снятии кожи», «выходе из-под кожи», «срезании кожи» у дерматологических пациентов // Психиатрия и психоанализ. Клинические диалоги. Материалы международной конференции. М.: 2019. С. 161–169.

11. Лунина А. Д. Социально-психологические особенности образа отца в истории и современном мире и его влияние на психосексуальное развитие дочери // International Journal of Medicine and Psychology. 2021. Vol. 4. No. 3. P. 89–96.
12. Макдугал Дж. Театры тела. М.: Когито-Центр, 2007.
13. Мельцер Д. Адгезивная идентификация // Психология и патопсихология кожи / Сост. и науч. ред. С. Ф. Сироткин, М. Л. Мельникова. Ижевск: ERGO. М.: Когито-Центр 2011. С. 149–174.
14. Шассге-Смиржель Ж. Женское чувство вины. О некоторых специфических характеристиках женского эдипова комплекса. Французская психоаналитическая школа / Пер. Н. И. Чельшевой, Е. С. Смирнова; научная редакция А. В. Россохина. СПб.: Питер, 2005. С. 385–425.
15. Шафер Ж. Женское: один вопрос для обоих полов. Уроки французского психоанализа. Десять лет франко-русских клинических коллоквиумов по психоанализу. М.: Когито-Центр, 2007.
16. Фрейд З. «Я» и «Оно». Избранные работы / Пер. Л. Голлербаха. М.: Юрайт, 2019.
17. Braunschweig D., & Fain M. Le Nuit, le jour. Paris: Presses Universitaires de France.
18. Rothstein A. The ego attitude of entitlement. Int. Rev. Psycho-Anal. 4:409-17, 1977.

Ripping off shukura from the orchestra. From S. Dali to D. Anzier. Socio-psychological features of a child's development with an absent father figure

A. D. Lunina

Lunina Alyona D., clinical psychologist, psychoanalytically oriented psychotherapist, associate member of the Moscow Psychoanalytic Association, postgraduate student of the Moscow State Regional University (MSOU).

Leather – this topic is inexhaustible. Both in psychoanalytic literature and in the world art space, attempts are being made to comprehend what a metaphor of skin, shell is for a person. Salvador Dali's painting "Three young surreal women holding orchestra skins in their hands" is an accurate, silent illustration of the ideas expressed by D. Anzier about I-skin. In this article, the picture is considered in two directions of thought – from the point of view of "skin" functioning and from the point of view of establishing the Law of the Father on the example of the case of a patient suffering from psoriasis.

Keywords: father's law, "mistress censorship", I-skin, second skin, annihilation, psoriasis.